

12.11.25

УПРАВЛЕНИЕ ГНЕВОМ: О ЧЕМ ГОВОРЯТ ИТОГИ ВСТРЕЧИ ПУТИНА И АЛИЕВА В ДУШАНБЕ

У саммита СНГ, прошедшего в Душанбе 10 октября, было мало шансов привлечь серьезное внимание политиков, журналистов и экспертов. И уж тем более попасть на первые полосы газет и в топы информационных агентств. От Содружества уже давно не ждут никаких интеграционных прорывов, «инструмент цивилизованного развода» по определению не может создать крепкую семью.

Тем не менее ситуация на просторах Большой Евразии должна быть упорядочена. Вот уже десять лет как на разных уровнях обсуждается инициатива Большого Евразийского Партнерства. Однако до сих пор не найдена оптимальная формула «интеграции интеграций», которая позволила бы сформировать архитектуру, объединяющую потенциал СНГ, ЕАЭС, ОДКБ, ШОС, проекта «Пояс и путь». В этой связи инициатива «СНГ+», озвученная в столице Таджикистана, может рассматриваться как очередная попытка дать ответ на вопрос: как нам обустроить Большую Евразию, сделав ее важным элементом формирующегося полицентричного миропорядка?

Однако за несколько дней вокруг, казалось бы, рутинного дипломатического формата обозначилась интересная интрига. Были анонсированы переговоры президентов России и Азербайджана Владимира Путина и Ильхама Алиева. Лидеры двух государств встречались многократно. Российский лидер в период с 2006 по 2024 год нанес в общей сложности семь государственных, официальных и рабочих визитов в Баку. У его коллеги список визитов еще более впечатляющий – только за 2021–2024 годы Алиев шесть раз побывал в Москве. И это не говоря о переговорах на различных дипломатических площадках в третьих странах!

Но у душанбинского саммита Путина и Алиева была своя изюминка. Переговорам предшествовало серьезное охлаждение в двусторонних отношениях, жесткая

риторика и взаимные обвинения, а также затянувшаяся пауза в личном общении президентов. Их встреча в Душанбе стала первой в 2025 году.

Здесь необходимо оговориться. В словесных российско-азербайджанских дуэлях наблюдалась известная диспропорция. Первые лица России старались воздерживаться от жестких оценок, оставляя резкие заявления на долю «общественников» и участников ток-шоу. Слушая их, можно было подумать, что «второй фронт» на Кавказе откроется со дня на день. Поведение азербайджанского руководства в ходе «заморозков» в наших двусторонних отношениях резко контрастировало с российской линией, а также с подходами официального Баку в прежние времена. Кризисы случались и раньше, но азербайджанские первые лица воздерживались от публичной критики Москвы. В 2025 году положение дел изменилось. И обличителем России стал лично Ильхам Алиев. А обращался он не только к сюжетам актуальной политической повестки, но и к вопросам истории.

Как бы то ни было, встреча лидеров России и Азербайджана в Душанбе состоялась. И главным ее итогом стала «оттепель» в межгосударственных отношениях. Но перерастет ли «оттепель» в теплую весну? И если да, то как это отразится не только на двусторонних связях, но и на взаимодействии Москвы и Еревана, отношениях России с Ираном и Турцией, общей региональной ситуации на Южном Кавказе, на евразийских интеграционных проектах? Не совсем ясно, как возрожденный дух российско-азербайджанского союзничества будет сочетаться с реализацией амбициозной американской инициативы «Маршрут Трампа для мира и процветания», которую еще недавно с таким энтузиазмом поддержали в Баку? Словом, вопросов больше, чем ответов.

«Кризис эмоций»

Владимир Путин, говоря о проблемах в российско-азербайджанских отношениях, назвал их не кризисом межгосударственного взаимодействия, а «кризисом эмоций». Действительно, государственные деятели – не машины, ничто человеческое им не чуждо. Тем более в нынешнее турбулентное время, когда ставки на международной арене взвинчены. Но верно и то, что накал страстей тем выше, чем выше уровень и значимость проблем для того или иного государства. Поэтому для эксперта крайне важно определить причины этой повышенной эмоциональности, не поддаваясь при этом перепадам настроения.

В комментариях журналистов, взявшихся оценивать итоги душанбинской встречи, к сожалению, лейтмотивом стало выяснение, кто «моргнул первым» и в итоге уступил собеседнику. Путин напомнил Алиеву, что после крушения самолета азербайджанской авиакомпании AZAL принес извинения «за то, что трагедия произошла в небе России». Можно ли из этого делать далекоидущие выводы? Вряд ли. Сам Алиев приносил извинения в 2020 и в 2023 годах в связи с гибелью российских военных на нахичеванском участке армяно-азербайджанской границы и в Нагорном Карабахе. Так что тема эта не новая и не может служить основанием для рассуждений об усилении позиций одного из лидеров на международной арене.

Инцидент со сбитым азербайджанским самолетом при всей его гуманитарной важности не был единственной причиной «заморозков» в отношениях Баку и Москвы. Более того, с начала 2025 года обе стороны предпринимали попытки купировать

«кризис эмоций», обозначившийся еще в канун новогодних каникул.

Можно вспомнить в этом контексте и про визиты председателя Совета Федерации Валентины Матвиенко и патриарха Московского и всея Руси в Баку, соответственно, в марте и в мае, и участие азербайджанского расчета в параде Победы на Красной площади (хотя все, конечно, ожидали присутствия Ильхама Алиева лично), и 23-е заседание межправительственной комиссии в Астрахани 22 августа, и поздравления с днем рождения от Путина Мехрибан Алиевой (не только супруге, но первому вице-президенту Азербайджана), и ответный жест со стороны азербайджанского лидера, поздравившего российского коллегу с его главным личным праздником.

Все эти события имели место в промежутке между трагедией с азербайджанским авиалайнером и встречей на полях саммита СНГ. Но этот же период вместил в себя и политические бури, связанные с расследованием дел этнических азербайджанцев (как представителей диаспоры, так и граждан РФ) на территории ряда российских регионов. Один «кризис эмоций» наложился на другой. Но, повторюсь, перепады настроений не возникли бы без серьезных на то оснований. И они гораздо более глубоки, чем востребованные сегодня «поведенческие» объяснительные модели.

Меняющиеся отношения в меняющемся мире

Сегодня стали общим местом рассуждения о том, что наш мир меняется и никогда уже не будет прежним. Но утрата коллективным Западом положения гегемона – не единственное проявление этих перемен. Наряду с «закатом США» (который на деле не столько закат, сколько лишь «начало конца») мы наблюдаем резкую активизацию «средних держав», имеющих экономические ресурсы, серьезные внешнеполитические амбиции и не готовых вписаться в логику «биполярного мира 2.0». Если говорить в этом контексте о Баку, то он формирует (и формулирует) новую посткарабахскую реальность. В ней прежние статусы (формальные и неформальные) опрокинуты. Если до 2020 года Армения была равноправным с Азербайджаном участником процесса мирного урегулирования, то за последние пять лет она низведена до положения зависимой субстанции, пытающейся компенсировать дефицит безопасности созданием т. н. «Перекрестка мира», фактически же стремящейся стать своей одновременно для России, ЕС, США, Китая, Ирана и Индии. Охарактеризовать это можно как ситуативную диверсификацию внешней политики, вызванную дефицитом стратегического видения и ресурсов.

Успехи на карабахском направлении значительно укрепили легитимность и нынешней азербайджанской власти, и государственности в целом. Решение ключевой национальной цели обескровило оппозицию, и без того особо не блиставшую. Хозяйственно-экономическое восстановление карабахских земель, их полная символическая перезагрузка (Степанакерт стал Ханкенди не просто в силу топонимической инициативы, а по смыслу), превращение в витрину нового наступательного Азербайджана – все это вместе и по отдельности повысило геополитическую капитализацию Баку. По сути, мы наблюдаем перезагрузку азербайджанского национально-государственного проекта. И в этом своем новом качестве Баку стремится избавиться от лишней внешней опеки.

За последние пять лет Азербайджан прошел через несколько «кризисов эмоций». Вспомним хотя бы превращение Баку в антиколониальный хаб для национальных

движений заморских департаментов Франции. Сегодня Азербайджан преподносит успехи новокаледонских канаков в их борьбе с Парижем как доказательство эффективности своей «мягкой силы». В этом же ряду «кризис эмоций» в отношениях с Ираном после террористической атаки на азербайджанское посольство в Тегеране в январе 2023-го. Да и администрацию Джо Байдена Баку обличал не особо стесняясь в выражениях. Поэтому «кризис эмоций» в отношениях с Россией не надо рассматривать как нечто из ряда вон выходящее. Этот кризис стал частью программы утверждения новой роли Баку на мировой арене. Роль эта может нравиться или нет, но она обеспечена военным успехом 2020–2023 годов, стратегической связкой с Анкарой и интересом к «обновленному Азербайджану» со стороны и Запада, и Ирана, и России, и КНР.

Но ничто не вечно. И тот же Трамп через три года с неизбежностью покинет свой пост. А следующий хозяин Белого дома и его команда могут с куда большим вниманием отнестись к проблеме демократических норм и соблюдения прав человека в Азербайджане. С другой стороны, какие бы кризисы ни возникали в их отношениях, Москва и Баку по многим причинам важны друг для друга. Значит ли это, что после встречи в Душанбе все вернется на круги своя? Большие перемены на Кавказе (да и во всем мире) продолжаются – стало быть, и от новых эмоциональных всплесков и конфликтов никто не застрахован. В этих условиях надо не тешить себя иллюзиями по поводу вечной дружбы или столь же вечной вражды, а концентрироваться на том, чтобы политика была рациональной, а не эмоциональной.

Впервые опубликовано деловым журналом «Профиль»: Сергей Маркедонов.
«Управление гневом: о чем говорят итоги встречи Путина и Алиева в Душанбе»

Источник: **Управление гневом: о чем говорят итоги встречи Путина и Алиева в Душанбе**

ОБ АВТОРЕ

Сергей Маркедонов

Постсоветское пространство, Южный Кавказ

Местоположение: Москва, Россия

Сфера компетенций: Постсоветское пространство, Южный Кавказ, Безопасность

Область экспертизы: Конфликты на постсоветском пространстве, европейская безопасность

Профессиональный опыт: Ведущий научный сотрудник Института международных исследований МГИМО, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России. Эксперт Российского совета по международным делам, эксперт Международного дискуссионного клуба «Валдай». Колумнист изданий «Россия сегодня», «РБК» и др. Был приглашенный исследователем Института гуманитарных исследований (IWM) в Вене, Фуданьском университете в Шанхае, Немецком обществе внешней политике (DGAP) в Берлине, Центра евразийских исследований в Университете Мумбаи, Центра стратегических и международных исследований программы «Россия и Евразия» в Вашингтоне.

